

Игорь Северянин

(1887 – 1941)

Январь

Январь, старик в державном сани,
Садится в ветровые сани, —
И устремляется олень,
Воздушной вальсовых касаний
И упоительней, чем лень.
Его разбег направлен к дебрям,
Где режет он дорогу вепрям,
Где глухо бродит пегий лось,
Где быть поэту довелось...
Чем выше кнут, — тем бег проворней,
Тем бег резвее; всё узорней
Пушистых кружев серебро.
А сколько визга, сколько скрипа!
То дуб повалится, то липа —
Как обнажённое ребро.
Он любит, этот царь-гуляка,
С душой надменного поляка,
Разгульно-дикую езду...
Пусть душу грех влечёт к продаже:
Всех разжигает старец, — даже
Небес полярную звезду!

На смерть Блока

Мгновенья высокой красы! —
Совсем незнакомый, чужой,
В одиннадцатом году,
Прислал мне «Ночные часы».
Я надпись его приведу:
«Поэту с открытой душой».

Десятый кончается год
С тех пор. Мы не сблизились с ним.
Встречаясь, друг к другу не шли:
Не стужа ль безгранных высот
Смущала поэта земли?..
Но дух его свято храним
Раздвоенным духом моим.

Теперь пережить мне дано
Кончину ещё одного

Собрата-гиганта. О, Русь
Согбенная! горбь, ещё горбь
Болящую спину. Кого
Теряешь ты ныне? Боюсь,
Не слишком ли многое? Но
Удел твой – победная скорбь.

Пусть варваром Запад зовёт
Ему непосильный Восток!
Пусть смотрит с презрением в лорнет
На русскую душу: глубок
Страданием очищенный взлёт,
Какого у Запада нет.
Вселенную, знайте, спасёт
Наш варварский русский Восток!

Поэту

Лишь гении доступны для толпы!
Но ведь не все же гении – поэты?!
Не изменяй намеченной тропы
И помни: кто, зачем и где ты.

Не пой толпе! Ни для кого не пой!
Для песни пой, не размышляя – кстати ль!..
Пусть песнь твоя – мгновенья звук пустой,-
Поверь, найдётся почитатель.

Пусть индивидуума клеймит толпа:
Она груба, дика, она – невежда.
Не льсти же ей: лесть – счастье для раба,
А у тебя – в цари надежда...

Моя Россия

Моя безбожная Россия,
Священная моя страна!
Её равнины снеговые,
Её цыгане кочевые,-
Ах, им ли радость не дана?
Её порывы огневые,
Её мечты передовые,
Её писатели живые,
Постигшие её до дна!
Её разбойники святые,
Её полёты голубые
И наше солнце и луна!

И эти земли неземные,
И эти бунты удалые,
И вся их, вся их глубина!
И соловьи её ночные,
И ночи пламенно-ледяные,
И браги древние хмельные,
И кубки, полные вина!
И тройки бешено степные,
И эти спицы расписные,
И эти сбруи золотые,
И крыльчатые пристяжные,
Их шей лебязья крутизна!
И наши бабы избяные,
И сарафаны их цветные,
И голоса девиц грудные,
Такие русские, родные,
И молодые, как весна,
И разливные, как волна,
И песни, песни разрывные,
Какими наша грудь полна,
И вся она, и вся она —
Моя ползучая Россия,
Крылатая моя страна!

Есенин

Он в жизнь вбегал рязанским простаком,
Голубоглазым, кудреватым, русым,
С задорным носом и весёлым вкусом,
К усладам жизни солнышком влеком.

Но вскоре бунт швырнул свой грязный ком
В сиянье глаз. Отравленный укусом
Змей мятежа, злословил над Иисусом,
Сдружиться постарался с кабаком...

В кругу разбойников и проституток,
Томясь от богохульных прибауток,
Он понял, что кабак ему поган...

И богу вновь раскрыл, раскаясь, сени
Неистойой души своей Есенин,
Благочестивый русский хулиган...

Это страшно

Это страшно!— всё одно и то же:
Разговоры, колкости, обеды,

Зеленщик, прогулка, море, сон,
Граммофон, тоска, соседей рожи,
Почта, телеграммы про победы,
И в саду всё тот же самый клён...

Из окна коричневая пашня
Грандиозной плиткой шоколада
На зелёной скатерти травы.
Где сегодняшний и где вчерашний
Дни? Кому была от них услада?
Я не знаю! Знаете ли вы?

Запевка

О России петь — что стремиться в храм
По лесным горам, полевым коврам...

О России петь — что весну встречать,
Что невесту ждать, что утешить мать...

О России петь — что тоску забыть,
Что Любовь любить, что бессмертным быть!

Пушкин

Есть имена, как солнце! Имена —
Как музыка! Как яблоня в расцвете!
Я говорю о Пушкине: поэте,
Действительном, в любые времена!

Но понимает ли моя страна —
Все эти старцы, юноши и дети, —
Как затруднительно сказать в сонете
О том, кем вся душа моя полна?

Его хвалить! — пугаюсь повторений...
Могу ли запах передать сирени?
Могу ль рукою облачко поймать?

Убив его, кому все наши вздохи?
Дантес убил мысль русскую эпохи,
И это следовало бы понять...

Распускаются почки душистые

Распускаются почки душистые
На берёзах, невинных, как май,

Распевают дрозды голосистые
Про какой-то несбыточный край.
К солнцу тянется травка шелковая,
Пробегают шутник-ветерок.
О, весна! ты стара, вечно-новая,
И тебе эти несколько строк!

Медальоны

Лермонтов

Над Грузией витает скорбный дух –
Невозмутимых гор мятежный Демон,
Чей лик прекрасен, чья душа – поэма,
Чьё имя очаровывает слух.
В крылатости он, как ущелье, глух
К людским скорбям, на них взирая немо.
Прикрыв глаза крылом, как из-под шлема,
Он в девушках прочувствует старух.
Он в свадьбе видит похороны. В свете
Находит тьму. Резвящиеся дети
Убийцами мерещатся ему.
Постигший ужас предопределения,
Цветущее он проклиная тленье,
Не разрешив безумствовать уму.

Некрасов

Блажен, кто рыцарем хотя на час
Сумел быть в злую, рабскую эпоху,
Кто к братнему прислушивался вздоху
И, пламенея верой, не погас.
Чей хроменький взъерошенный Пегас
Для Сивки скудную оставил кроху
Овса, когда седок к царю Гороху
Плелся поведать горестный рассказ...
А этот царь – Общественное Мнение, –
В нём видя обладателя имени
И барственных забавника охот,
Тоску певца причислил к лицемерью;
Так перед плотно запертою дверью
Рыдал Некрасов, русский Дон Кихот.

Бунин

В его стихах – весёлая капель,
Откосы гор, блестящие слюдою,
И спетая берёзой молодою
Песнь солнышку. И вешних вод купель.
Прозрачен стих, как северный апрель.

То он бежит проточною водою,
То теплится студёною звездою,
В нём есть какой-то бодрый, трезвый хмель.
Уют усадеб в пору листопада.
Благая одиночества отрада.
Ружьё. Собака. Серая Ока.
Душа и воздух скованы в кристалле.
Камин. Вино. Перо из мягкой стали.
По отчуждённой женщине тоска.